

это «кажущееся», не суть истинная науки, а только науки о «мнимомъ», поэтому и цѣнность ихъ невысока¹⁾.

«Если человѣкъ думаетъ, что все, что онъ видить вокругъ себя, весь безконечный міръ точно таковъ, какимъ онъ его видить, то онъ очень ошибается. Все тѣлесное человѣкъ знаетъ только потому, что у него такое, а не иное зрѣніе, слухъ, осязаніе. Будь это чувства другія—и весь міръ былъ бы иной. Такъ что мы не знаемъ и не можемъ знать, каковъ тотъ тѣлесный міръ, въ которомъ мы живемъ. Одно, что мы вѣрно и вполнѣ знаемъ, это нашу душу», говорить онъ. «Все то, что вещественно въ этомъ мірѣ, мы не можемъ знать, каково оно въ самомъ дѣлѣ. Вполнѣ извѣстно намъ только то, что духовно въ насъ самихъ»... (Тамъ же, 3 и 5).

Изъ этихъ словъ видно, что и Толстой во главу знанія ставить истину, истину абсолютную и достовѣрную; все же относительное, недостовѣрное (каковыми являются, по его мнѣнію, знанія о фактахъ и вѣнчшнемъ мірѣ)—Толстой и цѣнить невысоко... Это его мнѣніе, вопреки проф. Исаеву, не парадоксъ и не эксцентричность, а необходимый выводъ изъ всей его философской конструкціи (см. выше стр. 5). Обычная наука, по Толстому, знаетъ много пустяковъ, но не знаетъ главнаго: Бога, души и смысла жизни, а такъ какъ только послѣдніе намъ достовѣрно извѣстны (чувство), а первые представляютъ относительные знанія о мнимомъ, то, понятно, что и цѣнность послѣднихъ очень невысока... Въ этомъ пункктѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, Толстой очень близко подходитъ къ Канту съ его дуализмомъ феноменальнаго и ноумenalнаго.

1) Сравни это съ Бергсоновскимъ пониманіемъ интеллектуального познанія, какъ познанія символического, и интуитивного познанія, какъ познанія абсолютного. См. его „Введеніе въ метафизику“, „Воспріятіе измѣнчивости“ и „Философская интуиція“.